

II. Индивидуализм и солидарность.

«Анархия и коммунизм несовместимы», говорят нам многие недобросовестные противники, мало заботящиеся о выяснении вопроса. «Коммунизм, это – организация; он стесняет развитие личности, а потому мы не хотим его. Мы – индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорят с другой стороны некоторые, даже искренние люди – люди, которым хочется быть более крайними, чем их товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить известные идеи, доводя их до абсурда. А около них группируются и те личности, которых правительствам всегда выгодно послать в среду своих противников для поселения в ней раздора.

И вот анархисты начинают спорить об анархизме, коммунизме, инициативе, организации, о вредном или полезном влиянии группировки, об эгоизме и альтруизме и еще о массе вещей одна нелепее другой, потому что в результате этих споров между добросовестными противниками в конце концов оказывается, что все стремятся к одному и тому же, только под различными названиями.

В самом деле, анархисты, заявляющие себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборот общество имеет целью доставить личности наиболее благоприятные условия для её развития. Когда несколько человек соединяются вместе и соединяют свои усилия, то они очевидно делают это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслаждений при наименьшей трате сил. Они вовсе не имеют намерения принести свою инициативу, свою волю, свою личность в жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала перед тем как они соединились и перестанет существовать, как только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вместе с тем добиться от природы предметов необходимых для существования, получить которые можно только соединенными усилиями такова была, несомненно, цель первых начавших группироваться человеческих существ; во всяком случае, эта цель, если и не была сознана, то молчаливо подразумевалась в первых человеческих обществах, которые, может быть, даже были временными и распадались как только намеченное дело было выполнено.

Итак, никто из анархистов не собирается подчинить существование личности потребностям общества.

Полная свобода личности во всех проявлениях её деятельности – таково наше общее требование. Когда же являются люди, которые отрицают организацию, признают только личность и говорят, что им нет дела до общества, что правилом поведения должен быть

личный эгоизм, что поклонение собственному я должно стоять выше всех гуманных соображений, – и при этом считают себя более крайними чем другие, то это показывает только одно: что они никогда не изучали психической и физической организации человека и даже никогда не пытались отдать себе отчет в своих собственных чувствах; они не имеют никакого представления о жизни современного человека, о его физических, умственных и нравственных потребностях.

В современных обществах нам приходится иногда видеть таких полных эгоистов: Делобелли, Гиальмары Эйкдали нередко и встречаются не только в романах. Иногда – хотя и не особенно часто – случается встречать таких людей, думающих только о себе, не видящих ничего в мире кроме собственной личности. Если они сидят за столом, они без церемонии берут себе лучший кусок; они расточительны вне дома, в то время как их семья умирает с голоду. Они принимают как должное всевозможные жертвы со стороны всех – отца, матери, жены, детей – а сами спокойно сидят сложа руки, или без церемоний пользуются жизнью. Чужие страдания не идут в счет – лишь бы только в их собственном существовании все шло гладко. Мало того, они даже не замечают, что другие страдают ради них и из-за них: когда они сыты и довольны, им кажется, что и все человечество счастливо и отдыхает. Таков тип настоящего эгоиста в абсолютном смысле слова, но это вместе с тем и тип вполне ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается к этому типу: он все-таки иногда любит своих близких или, во всяком случае, питает к ним какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаем, чтобы даже самые искренние сторонники индивидуализма хотели возвести этот тип в идеал будущего человечества. С другой стороны, и анархисты-коммунисты вовсе не хотят проповедовать для будущего общества самопожертвование личности и её отказ от собственного блага. Но, отрицая отвлеченное понятие об «обществе», они отрицают вместе с тем и то отвлеченное понятие об «индивидууме», которое стремились создать их противники, доводя таким образом теорию до абсурда.

Личность имеет право на полную свободу, на удовлетворение всех своих потребностей – это несомненно. Но так как на земном шаре существует больше миллиарда таких личностей, если и не с равными потребностями, то с равными правами, то всем этим правам нужно дать удовлетворение так, чтобы они не мешали друг другу: иначе произойдет угнетение одних другими и совершаемая революция окажется бесполезной.

Наш чудовищный общественный строй, основанный на антагонизме интересов, ставит людей в враждебное отношение друг к другу и заставляет их грызться для обеспечения себе возможности существовать; это в значительной мере содействует путанице в понятиях. В настоящем обществе приходится быть или вором, или обкрадываемым, или угнетателем, или угнетаемым – середины нет. Тот, кто хочет помочь другому, часто рискует быть одураченным; отсюда плохо рассуждающий человек выводит заключение, что люди не могут жить не борясь друг с другом.

Анархисты же говорят, напротив, что общество должно быть основано на самой тесной *солидарности*. В том обществе, к осуществлению которого они стремятся, счастье одного не должно, даже в самой малейшей степени, быть в ущерб другому; наоборот, благосостояние одной личности должно вытекать из благосостояния всех; если независимости или

благополучию одной какой-нибудь личности будет нанесен ущерб, то нужно чтобы этот ущерб чувствовался и всеми остальными, чтобы они в силу этого могли исправить сделанное зло. Пока же этот идеал не осуществится, пока эта цель не будет достигнута, все ваши общества, будут только организованным произволом, против которого угнетенные личности будут иметь полное право протестовать.

Если бы человек мог жить один, если бы он мог вернуться к первобытному состоянию, нам нечего было бы говорить о том, как он будет жить, каждый жил бы как хочет. Земля достаточно велика, чтобы дать приют всем, но дала ли бы она достаточное для всех пропитание, если ее предоставить самой себе?

В этом далеко нельзя быть уверенным; результатом, вероятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существование» первобытных времен во всем её ужасе. Весь ход эволюции пришлось бы начинать сначала: более сильные стали бы притеснять более слабых, а затем их место заняли бы люди ловкие, причем сила денег заменила бы собой силу физическую.

Если нам пришлось пережить весь этот период кровопролития, нищеты и эксплуатации, называемый человеческой историей, то это зависело именно от того, что человек был эгоистом в полном смысле слова, без всякого смягчения, без всякого противодействующего влияния. Во всякой ассоциации он видел прежде всего удовлетворение своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить более слабого, он делал это без всяких стеснений; он не видел ничего кроме той работы, которую может произвести порабощенный, и не думал о том, что необходимость надзора за ним и необходимость подавлять в будущем различные восстания в конце концов потребует столько же труда и что выгоднее было бы работать вместе, помогая друг другу. Таким образом установились власть и собственность, и если мы хотим их уничтожить, то уже во всяком случае не для того, чтобы начать сызнова всю прошлую эволюцию.

Если мы примем, что человеком должен руководить лишь один чистый эгоизм, лишь поклонение собственному я, то это будет значить, что он должен броситься очертя голову в общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о том, не мешает ли это кому-нибудь другому. Сказать это – значит сказать, что будущая революция должна произойти в пользу более сильных, что новое общество должно быть основано на вечных столкновениях между личностями. А если так, то нам нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщего освобождения; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся против современного общества только потому, что его капиталистическая организация мешает лично нам пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называвших себя анархистами, и были такие, которые становились на эту точку зрения. Может быть именно от этого зависит факт измены и превращений тех, которые сначала были самыми ярыми, а затем перешли в ряды защитников существующего строя, потому что это оказалось для них более выгодным.

Конечно, мы боремся с современным обществом потому, что оно не дает удовлетворения нашим стремлениям, но мы понимаем, что в наших интересах, чтобы это удовлетворение

потребностей было распространено на всех членов общества.

Человек всегда эгоист, он всегда стремится сделать из своего «я» центр вселенной. Но по мере того, как его ум развивается, он начинает понимать, что, если его я требует удовлетворения, то есть и другие я, которые требуют того же самого и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповедовать самоотречение и самопожертвование ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповедь принесения личности в жертву обществу – проповедь, не меньше грубой силы содействовавшую его поддержанию – произвол начал смягчаться, предоставляя все больший простор развитию личности. Если узкий, дурно понятый эгоизм мешает развитию общества, то с другой стороны самоотречение и дух самопожертвования оказываются вредными для личности. Не всякий может жертвовать собой ради других, особенно если эти другие ему посторонние. В конце концов такое самопожертвование может оказаться даже вредным для человечества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смысле этого слова и таким образом доставляет преобладание наименее совершенному типу человечества. Чистый альтруизм в точном смысле слова точно также не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдельности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основание будущих обществ. Это начало – солидарность.

Предположим, что нас несколько человек и что мы соединяемся с целью удовлетворения какой-нибудь потребности. Если в нашей ассоциации нет ничего принудительного, никакого произвола, а она обуславливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесем в нее тем больше силы и энергии, чем сильнее мы будем чувствовать данную потребность. Все мы участвуем в производстве, и все имеем очевидно право на потребление, а так как для того, чтобы иметь возможность удовлетворить потребности всех, эти потребности будут рассчитаны заранее (включая сюда и новые потребности, которые можно будет предвидеть), то в распределении продуктов без труда установится солидарность. Недаром говорят, что взгляд человека может обнять больше того, сколько входит в его желудок: чем сильнее будет у него какое-нибудь желание, тем деятельнее будет он стремиться к его осуществлению, и таким образом произведет не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможет удовлетворить даже и тех, у которых явится желание обладать данным предметом только тогда, когда он будет уже существовать. Потребности человека бесконечно разнообразны; также бесконечно разнообразны будут виды его деятельности и средства к удовлетворению этих потребностей, и именно это разнообразие будет содействовать общей гармонии.

В нашем обществе, где люди, для получения необходимых для жизни предметов, привыкли всегда рассчитывать на чужой труд, они преследуют только одну цель: достать себе побольше денег, чтобы иметь возможность купить себе что угодно; а так как ручной труд едва позволяет человеку не умереть с голоду, то всякий, кто может, старается добыть себе

денег как-нибудь иным путем, только не трудом: один становится чиновником, другой журналистом (причем не останавливается и перед шантажом); тот, у кого есть некоторый капитал, начинает торговать, увеличивать свой доход, обманывая своих сограждан, занимается спекуляцией и ажиотажем, или же эксплуатирует чужой труд. Люди прибегают к всевозможным низостям и не делают единственного дела, которое могло бы удовлетворить всех: не занимаются полезным, производительным трудом. Каждый заботится только о себе, совершенно не думая о тех, кому он наносит ущерб; отсюда тот безрассудный эгоизм, который стал, по-видимому, единственным двигателем человеческих поступков.

Но по мере того как человек развивается, он перестает жить только ради себя одного; тип действительно развитого эгоиста, это – человек который страдает от страдания окружающих, который не может наслаждаться, когда он знает, что его наслаждение покупается благодаря недостаткам нашего общественного устройства, ценой чужого страдания. В среде буржуазии встречаются люди с очень развитой чувствительностью; если влияние среды, воспитания, наследственности не помешает им думать об общественных бедствиях и отдавать отчет в собственной жизни, они начинают стараться по возможности облегчить эти бедствия путем благотворительности. Развиваются различные благотворительные учреждения; но вследствие привычки смотреть на настоящее общественное устройство как на нормальное, а на бедность – как на явление, долженствующее существовать вечно, все эти учреждения носят сухой, инквизиторский характер.

Дело в том, что для человека родившегося, воспитавшегося, развившегося в тепличной атмосфере благосостояния и роскоши, очень трудно, даже невозможно без каких-нибудь исключительных обстоятельств, начать сомневаться в законности того положения, которым он пользуется. Что же касается разбогатевшего выскочки, то для него это еще труднее, потому что он убежден, что достиг своего настоящего положения исключительно благодаря своему труду и своим талантам. Религия, политическая экономия и буржуазное самодовольство столько раз повторяли нам, что труд – наказание, а бедность – следствие непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человек, которому никогда не приходилось бороться с судьбой, не считал себя существом высшей породы. С того момента, когда он начнет в этом сомневаться, когда он примется изучать современное общественное устройство, если только он способен понять его недостатки, все его удовольствия будут отравлены в самом их источнике. Мысль, что роскошь, которой он пользуется, покупается ценой бедствий целой массы рабочих, что каждое его удовольствие оплачено страданиями тех, кто жертвовал собой, чтобы создать его, сделается для него источником страданий. И если в этом человеке, наравне с чувствительностью, развито и стремление к борьбе, то из него выйдет революционер, борющийся с существующим общественным строем, который не может обеспечить ему даже умственного и нравственного удовлетворения.

Не нужно забывать, в самом деле, что социальный вопрос не исчерпывается одной материальной стороной жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы все были сыты, но наши требования на этом не останавливаются: мы боремся, вместе с тем, и за возможность для всякого развивать свои способности, пользоваться теми умственными наслаждениями, которых требует его мозг. Для многих анархистов вопрос правда ставится

иначе, и отсюда-то и вытекают все эти разнообразные толкования и споры об эгоизме, альтруизме и т. п. Вопрос о хлебе – вопрос первостепенной важности, но для самого успеха революции было бы очень опасно ограничиваться им одним, потому что в таком случае можно было бы принять и идеал социалистического государства, которое может и должно обеспечить всем удовлетворение материальных потребностей.

Если бы будущая революция ограничилась в своих требованиях одним вопросом материальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на полпути, выродиться в какую-то оргию, после которой революционеры легко сделались бы добычей штыков буржуазной реакции. К счастью, этот вопрос, наиболее важный – мы вполне с этим согласны – для мира рабочих, совершенно лишенных, вследствие все более и более усиливающейся безработицы, возможности быть уверенными в завтрашнем дне, не есть единственный вопрос, разрешение которого предстоит будущей революции. Несомненно, что первое, что должны будут сделать анархисты для обеспечения успеха революции, это – завладеть общественным богатством, призвать обездоленных, захватить магазины, орудия и землю, устроиться в здоровых квартирах, разрушить те трущобы, в которых они вынуждены жить теперь; восставший народ должен будет уничтожить все документы, устанавливающие права на собственность; нотариальные документы, кадастры, записи – все это должно будет быть пересмотрено и «очищено». Но для выполнения всей этой работы мало людей просто голодных: для этого нужны люди, сознающие свое личное достоинство, ревниво стоящие за свои права, твердо стремящиеся к завоеванию их и умеющие их защитить. Вот почему для этого переворота недостаточно разрешения одного вопроса материального обеспечения. И вот почему, рядом с требованием права на существование, которое ставят анархисты, возникают всевозможные вопросы науки, искусства, философии, которые анархистам приходится изучать и выяснять, так что анархические идеи должны обхватывать собой все области человеческого знания. Повсюду они черпают аргументы в свою пользу, повсюду они находят сторонников, которые приносят им свои требования и свои знания. Человеческие знания так обширны, что даже наиболее одаренные умы могут вместить лишь часть их; поэтому идея анархизма не может сконцентрироваться в умах нескольких личностей, которые начертали бы ей границы и предписали бы программу: она может разрабатываться только общими усилиями, когда каждый вкладывает в нее свои знания, и это-то именно и составляет её силу, потому что только такое сотрудничество всех может дать ей возможность стать выразительницей стремлений человечества.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:06:28

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:06:44